

О НОМИНАТИВНОМ СОДЕРЖАНИИ СЕМАНТИКИ КАТЕГОРИИ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

А. М. БАХЧОЯН

*Государственный институт физической культуры
и спорта Армении*

Статья посвящена проблеме семантики грамматического рода существительных в русском и армянском языках. Универсальная понятийная категория пола, которая отражает природную данность, по-разному меняется в системе языка. Она находит выражение в словообразовательной категории пола и грамматической категории рода одушевленных существительных. Грамматический род обладает тесно взаимосвязанными и взаимообусловленными номинативным и синтаксическим элементами семантического содержания. Принадлежность к сфере семантики позволяет считать род мотивированной категорией как у одушевленных, так и у неодушевленных существительных.

Ключевые слова: *семантика грамматического рода, биологический пол.*

Лингвисты считают, что изучение категории рода связано с познанием роли согласования и квалификацией рода как синтаксической категории (См.: О.Г. Ревзина, И.Г. Милославский, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв, А.А. Зализняк). Однако универсальность согласования всех существительных, имеющих одинаковые признаки рода и одушевленности, не избавляет от необходимости изучения сущности номинативного содержания семантики рода существительных.

В языкознании встречается утверждение о немотивированности значения рода: «...отнесенность того или иного неодушевленного существительного к какому-либо роду семантически никак не мотивировано: нельзя уяснить с точки зрения современного языкового сознания, почему слово «вздор» является словом мужского рода, а «чепуха» – словом женского рода, на основе чего существительное «чело» – среднего рода, а существительное «лоб» – мужского рода и т.д.» [24: 32-33]; «В современном русском языке, не считая особых случаев поэтического осмысления, говорящие бесконечно далеки от того, чтобы придать категории рода неодушевленных существительных какой-то реальной смысл» [14: 4]; «Категория рода в большинстве индоевропейских языков (типа двучленной системы во французском языке или трехчленной системы в немецком языке) не соответствует ничему реальному в мире» [10: 299]. Однако существуют языки, в которых данная категория практически отсутствует. При этом существует определенное количество существительных, аффиксы которых указывают на

биологический пол [20: 30-33; 21: 43-49]. Приведем примеры на материале армянского языка: *տնօրեմ; տիեզերագնաց, փիտիկ, աշակերտ – աշակերտուհի, քուսնիկ – քուսնիկուհի, երգիչ – երգչուհի*.

Русское языковое сознание воспринимает отнесенность слов *лоб* или *лик* к мужскому роду как полностью мотивированное, так же, как и отнесение слов *чело*, *лицо* – к среднему. Мотивация здесь обусловлена не фиксированным, а автономным значением, не имеющим прямого отношения к лексическому значению этих слов.

Выражение «автономное значение» встречается в работах Р. Карнапа об «автонимической речи», которые в дальнейшем были развиты Р. Якобсоном [27]. М. Осман комментирует «автономное значение» с помощью двух определений [28; 17: 11-20]:

- «Лес – большое пространство, покрытое деревьями»;
- «Лес – односложное слово».

Вторая часть данных примеров обладает статусом значения. Те слова, которые имеют «значения», не могут быть объектом дефиниции. При всем этом термин «значение» в отмеченных случаях существенно различен: *лес* можно рассматривать как набор звуков, который может вызвать в нашем воображении «пространство, покрытое деревьями». По отношению к примеру такое понимание лишено смысла. Звуковой набор слова *лес* не может вызвать представление об односложном слове в отсутствии односложного слова. Идентичная картина наблюдается и в армянском языке. Например, слово **տուն** вызывает в нашем воображении «жилое (или для учреждения) здание, а также (собир.) люди, живущие в нём; квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство». А звуковой набор **տուն** не может вызвать представление об односложном слове в отсутствии односложного слова, равно, как это было представлено на материале русского языка.

Возвращаясь к рассмотренным примерам русского языка, можно сделать вывод: в первом случае мы говорим и думаем об окружающей нас внеязыковой действительности, во втором же предмет нашей речи и наших мыслей – это непосредственно сам язык. Оба они отражают объективную реальность.

Звуковой (или графический) комплекс может обладать двумя типами значений:

- фиксированное значение – способность вызывать в воображении и замечать в сознании некий предмет действительности, явление, отношение, признак и пр. Фиксированное значение становится фактом языка в силу постоянной, неразрывной, исторически сложившейся связи между звуковым (графическим) комплексом и элементами внеязыковой действительности.
- автономное значение – способность звукового (графического) комплекса вызывать в сознании любой феномен, обладающий чертами сходства или смежности с ним (с этим комплексом). Это значение обусловлено не

столько системой, историей, условной связью, сколько свойствами самих звуковых (графических) комплексов.

Как справедливо замечает М. Осман, автономное значение является фактором формирования языкового сознания [17: 13-20].

Существует два понимания термина «языковое сознание».

1. «Языковое сознание» – это некая призма, в которой преломляется и через которую отражается в сознании человека окружающий мир, так что человек видит мир только через «языковое сознание». О «круге», который каждый язык описывает вокруг народа, писал В. фон Гумбольдт, позже – Б. Уорф [1: 225].

2. Языковое сознание рассматривается как некая активная деятельность, возникающая спонтанно, в глубинах души человека и как бы независимо от окружающей его материальной действительности. Этот подход наиболее полно отражен в трудах К. Фосслера.

В современном языкознании учитываются оба подхода: через языковое сознание отражается материальный мир. Язык способен к «самоотражению», самоусовершенствованию, самопознанию. Люди не только пользуются сигналами как средствами общения, но и способны говорить и думать об этих сигналах. Представление о том, что человек пользуется языком стихийно, бессознательно, никак не оправданно. Языковое сознание – это отражение свойств и языковой (а не только внеязыковой) реальности [17: 15]. Важную роль в формировании языкового сознания как отношения к языковой реальности могут играть автономные значения. Категория рода – важный компонент сознания людей, говорящих на русском языке. Поэтому распределение по родам для них логично и мотивированно.

Любая грамматическая категория имеет в своем содержании номинативные и синтаксические элементы. Понятие «синтаксическое значение» введено И.А. Мельчуком [15]. Синтаксическое значение отражает лишь способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ [6: 33-34].

Синтаксические значения могут быть фиксированными и автономными. В сочетании *большой парк* связь между величиной и парком основана на явлении объективной действительности, а то, что со словом *парк* соединяется именно форма *большой* (а не *большая*, *большое*) – это мотивировано языковой реальностью.

В работах А.А. Зализняка говорится, что номинативные и синтаксические элементы значения грамматической категории тесно связаны между собой.

Э.Сепир объясняет наличие родов как пережиток архаических концептов: т.е. когда-то признак пола был перенесен на предметы неживой природы, и из-за инертности языка род оказался присущ всем существительным: и одушевленным, и неодушевленным [22: 76-77]. Некоторым языкам (например английскому) удалось избавиться от родовых разграничений, «пара-

зителирующих концептов». И.А. Бодуэн де Куртене поставил вопрос о связи мирозерцания с языковой категорией рода.

В тех языках, где род существует как морфологическая категория, связь рода и пола ощущается очень отчетливо. «Категорией семантического рода называется такая категория, грамеммы которой характеризуют пол данного участника» [15: 128]. Он имеет реальную семантику только тогда, когда им характеризуются названия лиц и животных: *брат, папа, волк* – мужской род, *сестра, мама, волчица* – женский род. Данный принцип в армянском языке можно реализовать только в отдельных случаях, например, *տէր* – *տիրուհի*, *թագաւոր* – *թագուհի*, *կին* – *տղամարդ*, *աղջիկ* – *տղա*, *հայր* – *մայր*, *բժիշկ* – *բժշկուհի*, *ուսանող* – *ուսանողուհի*, *աշակերտ* – *աշակերտուհի* и другие. В приведенных примерах можно говорить о семантике биологического поля: это либо представители женского пола, либо мужского.

А.В. Бондарко выделяет лексико-грамматические разряды со значением отношения к полу, отделяя тем самым значения пола от рода, но при этом отмечается исключительно тесная связь в языке значений пола и рода [2: 196].

Если род у одушевленных существительных имеет номинативное содержание – отражение биологического пола, то род неодушевленных существительных называют немотивированным. Роду неодушевленных существительных приписывают лишь синтаксические элементы значения.

Как заметил А.А. Зализняк, синтаксические элементы значения – те, которые отражают способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ, тоже известным образом участвуют в отражении внеязыковой действительности – в качестве средств построения означающих другого уровня [6: 23-24]. Согласно иной точке зрения, синтаксические элементы содержания грамматической категории не относятся к числу семантических явлений [11: 61].

Синтаксические элементы значения все же относятся к сфере семантики. Отметим, что номинативные и синтаксические значения образуют единство. «Немотивированный» род неодушевленных существительных может стать источником тонких семантических эффектов. Об этом писали А.М. Пешковский (1959), Л.В. Щерба (1957), В.В. Виноградов (1972), Р.О. Якобсон (1985, 1987).

Персонализация на основе категории рода, характерная для различных стилей и жанров художественного творчества, наделяет объекты, переданные с помощью женского рода, свойствами женского пола, а объекты, обозначенные с помощью мужского и среднего рода, – свойствами мужского пола. Ф.И. Буслаев заметил, что в «Слове о полку Игореве» река олицетворяется *душою красной девицей*, а ветры названы *Стрибоговы внуки* [3: 63]. В русской традиционной поэзии в поэтическую семантику слова *береза* входят гендерные компоненты: «девушка», «невеста», «молодая», «красивая», «зеленокосая», «нарядная» и даже «родная мать», «добра сестра», «милая жена», «лебедь белая», «Снегурочка», «Аленушка» [12: 106-112; 4: 123-127].

Широкое распространение персонификаций обусловлено тесной взаимосвязью и взаимозависимостью номинативных и синтаксических элементов содержания категории рода.

Номинативное содержание грамматической категории не следует сравнивать с лексическим значением. Лексическое значение намного шире номинативного, так как вбирает в себя те синтаксические значения, которые указаны в значениях классификационных категорий. Значение рода у существительного входит в его лексическое значение.

Приведем примеры парных по роду существительных, обозначающих лиц по профессии, роду занятий. Часто говорится о том, что лексические единицы *директор* (в значении лица женского пола) и *директорша*, *инженер* – *инженерша*, *врач* – *врачиха*, *библиотекарь* – *библиотекарша*, *пассажир* – *пассажирка*, *бровист* – *бровистка*, *учитель* – *училка*, *поэт* – *поэтесса*, *парикмахер* – *парикмахерша* различаются только отношением к норме и сферой применения. Они противопоставляются как нейтральное и разговорное или даже просторечное, а также как узуальное – ограниченное в своем употреблении, а также нередко имеющее оттенок пренебрежения. Различий же собственно в номинативном содержании между ними нет. Неслучайно такие пары называют именно вариантами, реже – стилистическими синонимами. Идентичная картина наблюдается в армянском языке: *տնօրեն* – *տնօրենուհի*, но *բժիշկ* – *բժշկուհի*, *ուեր* – *տիրուհի*, *ուսանող* – *ուսանողուհի*, но *վարուհի* *պարուհի*.

Если лицо мыслится отвлеченно, только применительно к своей профессии, то используется мужской род. В известном смысле такой мужской род сопоставим с категорией неопределенности, которая в других языках получила специальное грамматическое обозначение (артикл). Поскольку в русском языке нет грамматически оформленной категории определенности / неопределенности, функцию выражения этих смыслов берут на себя другие элементы; лексические (местоимения) и грамматические (род и число). В армянском языке для обозначения биологического женского пола употребляется суффикс **-ուհի** (*տիրուհի*, *երգչուհի*, *սիրուհի*).

Обратим внимание на такие выражения, как «Почтальон принес письмо» / «Почтальонша принесла письмо» [18: 238]. В первом предложении осуществлена нейтрализация, которая помогает избавиться от конкретности. Эти два предложения связаны с разными целями высказывания. Первый вариант уместен, когда главное в сообщении – письмо, а не тот, кто его принес. При нейтрализации, освобождающей текст от излишней информации, используются слова с приглушенными грамматическими значениями, ориентирующимися на неточные понятия. В армянском языке можно привести идентичные примеры: *Փոստալիտը բերեց նամակը*. *Փոստալիտուհին բերեց նամակը*.

Как считает А.А. Ивин, в естественном языке неточных понятий большинство, и это говорит о его гибкости и скрытой силе [7: 115].

Помимо нейтрализации с приглушенным грамматическим значением, мужской род личных существительных в русском языке нацелен на представление значения класса или обобщенной собирательности.

Существительные в обобщенно-собирательном значении обладают таким качеством, как плакатность, наглядность. Обобщенная семантика существительных мужского рода стала основой «маскулинизации», как она понимается в гендерной лингвистике.

Категория рода одушевленных существительных представляет собой оппозицию мужского и женского рода (существительные среднего рода единичны и поэтому могут не учитываться), т.е. это соединение двух разных элементов, связанных так, что мысль не может представить один элемент, не представив другой. Отношения между этими элементами чаще всего определяют как привативную оппозицию. Теория привативности грамматических оппозиций была разработана Р. Якобсоном. Он впервые перенес понятие беспризнакового немаркированного члена оппозиции из фонологии в грамматику. Впервые эти идеи высказаны в его статье 1932 г. «О структуре русского глагола». Р. Якобсон последовательно разграничивает два вида языковых противопоставлений: сигнализирование некоего А и несигнализирование этого А (*осёл* по отношению к особи женского пола, которая может быть обозначена и специальным словом – *ослица*) отличается от сигнализирования некоего не-А, противопоставляемого несигнализированию (как в слове *осёл*, когда оно противопоставлено слову *ослица*).

Р. Якобсон поясняет это различие такими примерами. Когда мы говорим осел, то имеем в виду животное вообще, без уточнения пола. В ответ на вопрос: «Это ослица?» может последовать ответ «Нет, осел», где значение мужского рода специально сигнализируется. В армянском языке нет таких разграничений, как в русском, например *лев – львица, волк – волчица, слон – слониха* и др. В армянском языке самец и самка называются отдельными словами. Примеры: *էգ ոչխար – մարի, արու այծ – նոխիւզ, ների, էգ ուլ – ալոջ, էգ ձի – գամբիկ, արու ձի – հովատակ, արու թռչուն – վարուծան, էգ թռչուն – մարի, աղավնու արու ձագ – վարուծակ, արու բաղ – դագ, բաղարար, արու հավ – որձակ, արաղաղ, հավի էգ ձագ – վառեկ, արու ուլ – ալիկ, արու գառ – ալիկ, մայր ոչխար – մարի, սերունդ չտվող կին – ամուլ, սերունդ չտվող կենդանի – ստերջ, 2-3 տարեկան էգ հորթ – երինջ, արու բազե – ճուռակ, էգ եղերջու – եղնիկ, արու ուղտ – մալախ, էգ շուն – քած, արու էշ – իշար.*

Значение маркированной грамматической категории в рамках оппозиции состоит в утверждении определенного признака, а общее значение немаркированной категории состоит в отсутствии утверждения относительно наличия этого признака. И если в определенном контексте немаркированная категория выражает отсутствие признака, то это значение обусловлено контекстом и его нельзя отождествлять с общим значением категории.

Немаркированные формы в языковом мышлении представляются знаком всей коррелирующей пары, поэтому немаркированные формы воспринима-

ются как первичные (мужской род по отношению к женскому). И так называемая замена грамматических категорий, по Р. Якобсону, представляет собой употребление немаркированных форм вместо маркированных (мужской род вместо женского), обратные же ситуации являются редким исключением и воспринимаются как образные выражения.

Сильный член оппозиции всегда в какой-то степени отражает отмеченную в языке сущность внеязыковой реальности. Слабый член грамматической оппозиции данную языковую сущность игнорирует [9: 39]. Существительное *учительница* (*ուսուցչուհի*) выражает признак пола, в то время как слово *учитель* (*ուսուցիչ*) оставляет этот признак невыраженным. А.А. Виноградов отметил, что в оппозиции «женский – неженский» маркированным является первый член, поскольку в нем значение женскости (женского пола) имеет грамматическое выражение (форма женского рода), а немаркированным – второй член, так как существительное мужского рода обозначает лицо без указания на пол [23: 207; 5: 111].

Созвучные идеи высказывает Б.Унбегаун, который выделял категорию личного рода. Категория личного рода накладывается на систему трех грамматических родов, отделяя имена, обозначающие лиц мужского пола, от всех других слов (обозначающих лиц женского пола, животных, предметы) [29: 41].

Называют следующие статические или синхронические свойства немаркированного коррелята, которые отличают его от маркированного [16, т. 2, 17-18]:

- выступает в позиции нейтрализации;
- часто выражается нулевым знаком;
- выражается с меньшей степенью морфологической нерегулярности, чем маркированный элемент;
- обладает большей частотностью;
- имеет свободную дистрибуцию, т.е. в меньшей степени ограничен контекстом, чем маркированный элемент;
- является более многозначным, чем соответствующий маркированный элемент.

Немаркированный элемент воспринимается носителями языка с меньшими усилиями.

И.А. Мельчук отмечает, что вовсе необязательно, чтобы немаркированный элемент непременно обладал всеми указанными свойствами: он может характеризоваться только некоторыми из них. Свойства оппозиции по роду личных существительных присущи словам мужского рода типа *инженер*: позиция нейтрализации по признаку пола (употребления «Заводу нужен инженер»), свободная дистрибуция и гораздо более значительная частотность, чем у коррелята (*инженерша*), нулевой знак, более широкое значение по сравнению с именами женского рода (ср. *художник* и *художница*: существительное мужского рода применяется для обозначения вообще творческого человека, который достиг высот в каком-то виде искусства; слово *художница* чаще всего обозначает женщину-живописца, поэтому обычно выражение *художник слова* и маловероятно *худож-*

ница слова – см.: БАС, МАС, СО, СОШ). В армянском языке наблюдается та же картина: *Պահանջվում է փոստալուսիր: Պահանջվում է մաքրուկի: Աշխատանքի ենք հրավիրում ուսուցիչներին: Հարկավոր է բժշկի հորհրդատվություն:*

Против приведенного понимания нейтрализации и вообще против признания привативности грамматической оппозиции по роду в сфере одушевленных имен высказался В.В. Иоффе: то слово, которое принимают за немаркированный член оппозиции, лишь формально совпадает с ее членом – это, по сути, название безотносительно к полу [8: 35–40]. Математик в противопоставлении *математик – математичка* – то же, что слово *лошадь* для противопоставления *жеребец – кобыла*, *էգ ձի – գաւրբիկ*, *տրու ձի – հովաւաւիկ* поскольку *лошадь*, *ձի* – название вида животных безотносительно к их половой принадлежности. Сам характер значений – мужской пол / женский пол – делает централизацию невозможной. В оппозиции по признаку пола нет нейтрализации, которая имеет место в грамматической категории, и, следовательно, нет деления членов оппозиции на маркированные и немаркированные. Номинативные значения пола не являются грамматическими, ибо не удовлетворяют ни требованиям регулярности, ни обязательности, и стихийное отождествление рода с полом не должно сохраняться в научном описании [8: 31].

Данный подход неубедителен. Если семантика пола не определяет смыслового содержания рода в целом, то в кругу одушевленных имен она представлена вполне последовательно.

«В русском языке первичная функция грамматического рода одушевленных существительных – выражение половых различий, вторичная – формально-синтаксическая» [19: 81]. И дело не меняется от того, что у слов – названий лиц имеются иные смысловые компоненты, помимо указания на пол (значение профессии, рода занятий, социального положения и пр.). Значение женского пола вполне регулярно выражается такими существительными, если они имеют грамматический признак женского рода.

Номинации мужского рода универсальнее, их номинативные возможности шире: помимо лиц мужского пола, они способны обозначать и лиц женского пола или указывать на лицо безотносительно к полу, и при наличии двух вариантов обозначения лиц женского пола возникают ортологические проблемы.

А.Б. Копелиович отметил, что коррелятивные отношения личных существительных организуются двумя способами или двумя типами оппозиции: эквиполентной (*блондин – блондинка*, *русский – русская*) и привативной (*учитель – учительница*) с маркированным женским родом. А в случаях *скромник – скромница*, *шельма – шельмец* в качестве немаркированного выступает женский морфологический род, а маркированного – мужской [13: 17]. Слово актер всегда указывает на мужской пол, а актриса – на женский пол. Сказать о женщине актер нельзя даже в предикативном употреблении. В армянском языке налицо оппозиция *դերասան – դերասանուհի*.

Приведенные примеры доказывают лишь то, что широта и обязательность, присущие грамматическому явлению, имеют свои пределы. Кроме того, ср.: «Какой ты большой, дьявольски большой *артист*, *Марина*» (Б. Пастернак – М. Цветаевой).

Конечно, такое употребление возможно из-за приращения смысла: *артист* – актер, певец и т.п. *Артист* – талантливый человек, художник. Сравним, *Միլիշ Շիպուրտիկյանը 20-րդ դարի հայ գրականության ամենաաիրված սրբանուններից է:*

Кроме того, если учесть так называемые «отвлеченные» употребления, то границы действия привативной оппозиции даже расширяются. Ср.: «Все личные существительные мужского рода, кроме тех, которые по своему лексическому значению закреплены как названия лиц мужского пола (сын, юноша, дядя, муж, брат и т.п.), способны называть лицо в отвлечении от пола (в формах единственного числа) либо множество лиц обоего пола (в формах множественного числа): «Услужливый дурак опаснее врага» (И.А. Крылов); «Каждый москвич любит свой город»; «Дом учителя» [25: 391].

Отметим, что в парных названиях лиц по национальности или месту жительства существительное мужского рода не может служить общим названием лица (нельзя сказать: «Петрова – коренной москвич» или «Ядвига – поляк») [26: 266]. Однако можно сказать: «Каждый москвич (каждый поляк) любит свою столицу».

Итак, выбор одного из вариантов (*учитель / учительница, ևսուցիչ / ևսուցչուհի, բժիշկ / բժշկուհի*) определяется многими обстоятельствами, среди которых важное место занимают также особенности гендерных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 1999.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
4. Вакуров В.Н. Белая березушка низко к земле клонится // Рус. речь. 1986. № 5.
5. Виноградов А.А. Способы выражения оппозиции женский – неженский в русском и венгерском языках // Филол. науки. 1991. № 6
6. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. – М., 1967.
7. Ивин А.А. Строгий мир логики. Педагогика. – М., 1988.
8. Иоффе В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1973.
9. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопр. языкозн. 1961. № 1.
10. Касевич В.Б. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 1992.
11. Клобуков Е.В. Задачи изучения семантической парадигматии русских падежей // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1987. № 4.
12. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект). – Краснодар, 1998.
13. Копелиович А.В. Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду. – Владимир, 1997.
14. Мелик-Огаджанян Л.К. Существительные общего рода в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ереван, 1968.
15. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. – М.; Вена, 1998.
16. Мучник Б.С. Основы стилистики и редактирования. – Ростов н/Д, 1997.
17. Осман М. Распределение имен существительных по родам как отражение структурно-семантических особенностей категории рода (на материале русского и арабского языков): Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1990.

18. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.
19. Рябов Е.Т. Системные отношения между формой грамматического рода актантов и значением биологического пола // Структура и функционирование единиц языка. – Ташкент, 1986.
20. Саркисян И.Р. Сопоставительный анализ номинации фаунонимов в русском, армянском и английском языках // Русский язык в Армении. 2005. № 3. С. 30-33.
21. Саркисян И.Р. Сопоставительный анализ субстантиватов со значением лица в русском, армянском и английском языках // Русский язык в Армении. 2007. № 6. С. 43-49.
22. Сепир Э. Язык / Пер. с англ. – М.; Л., 1934.
23. Словообразование современного русского литературного языка. – М., 1968.
24. Современный русский язык / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. – М., 1964.
25. Современный русский язык / Под ред Л.А. Новикова. - 2-е изд. – СПб., 2000.
26. Современный русский язык / Под ред. Д.Э. Розенталя. - 4-е изд. – М., 1984.
27. Якобсон Р.О. Основы славянского сравнительного литературоведения // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М., 1987.
28. Carnar R. Logical Syntax of Language. – New York, 1937.
29. Unbegaun B. La langue russe au X V f siecle (1500-1550): La flexion des noms. – Paris, 19.

**ԳՈՅԱԿԱՆՆԵՐԻ ՏԵՈՒ ՔԵՐԱԿԱՆԱԿԱՆ ԿԱՐԳԻ ԻՄԱՍՏԱՐԱՆԱԿԱՆ
ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ**

Ա. Մ. ԲԱԽՉՈՅԱՆ

Հայաստանի ֆիզիկական կուլտուրայի և սպորտի պետական ինստիտուտ

Հոդվածը նվիրված է ռուսերեն և հայերեն լեզուների գոյականների քերականական սեռի իմաստաբանության խնդրին: Սեռի համընդհանուր հայեցակարգային կատեգորիան, որը արտացոլում է բնական մի տվյալ, տարբեր ձևերով բեկվում է լեզվական համակարգում: Այն արտացոլված է սեռի ածանցյալ կատեգորիայի և կենդանի գոյականների սեռի քերականական կատեգորիայի մեջ: Քերականական սեռը սերտորեն փոխկապակցված և կախված է իմաստային բովանդակության անվանական և շարահյուսական տարրերից: Իմաստաբանության ոլորտին պատկանելը թույլ է տալիս սեռը դիտարկել որպես շարժառիթ կատեգորիա ինչպես կենդանի, այնպես էլ անկենդան գոյականներում:

Հանգուցային բառեր՝ քերականական սեռի իմաստաբանություն, կենսաբանական սեռ:

**ON THE NOMINATIVE CONTENT OF THE SEMANTICS OF THE
CATEGORY OF GENDER OF NOUNS**

A.M. BAKHCHOYAN

State Institute of Physical Culture and Sports of Armenia

The article focuses on the problem of the semantics of grammatical gender of nouns in the Russian and Armenian languages. The universal conceptual category of sex, reflecting the natural givenness, is refracted in the language system in different ways. It is reflected in the derivational category of sex and the grammatical category of gender of animate nouns. Grammatical gender has closely interrelated and interdependent nominative and syntactic elements of the semantic content. Belonging to the field of semantics allows one to consider gender as a motivated category for both animate and inanimate nouns.

Key words: *semantics of grammatical gender, biological sex.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 21 сентября 2017 г., подписана к печати в № 2 (113) 2020 27.12.2018.